

Региональная история

Regional history

УДК 329(571.53)(091)

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38

Лариса Викторовна Занданова¹,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Константин Александрович Айдаров²,
соискатель кафедры истории и методики,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: aidarov.69@mail.ru

Игорь Петрович Серебренников³,
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: ipser73@yandex.ru

Расстановка общественно-политических сил в г. Иркутске в период мирного развития Революции весной 1917 года

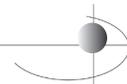
Статья посвящена изучению расстановки общественно-политических сил в г. Иркутске на начальном этапе развития Революции 1917 г. Город Иркутск на протяжении нескольких веков являлся военно-административным центром Восточной Сибири, он сосредоточил в себе значительное число служащих государственных органов власти, армейских структур, торгово-промышленные слои населения, постоянно пополнялся различными категориями мигрантов, в том числе политическими ссыльными, что обусловило неоднородность его населения и социально-политическую специфику. Показано, что в г. Иркутске, одном из крупнейших городов Сибири, присутствовали представители российских социалистических, а также либеральных партий, активизировавших свою деятельность на фоне происходящих в стране событий. Изучение истории «снизу» позволило выяснить, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и властными структурами, какие существовали формы общественного бытия и т. д. Предпринят анализ политической ситуации в г. Иркутске в начальный период революционных потрясений 1917 г. как объективной предпосылки последовавшей затем трансформации ментальных форм сознания, взглядов и привычек, а также материально-бытовой сферы, влиявшей на повседневную жизнь городского населения. Исследование показало, что политическая среда формировалась спонтанно, под влиянием революционных событий в стране, независимо от мнения большинства людей. Политические перипетии на раннем этапе революционного процесса 1917 г. не касались широких масс населения города, которые в большей степени стремились не к участию в политической борьбе, а к преодолению социальных и экономических трудностей, вызванных общественно-политической ситуацией в стране.

Ключевые слова: общественно-политическая обстановка, общественно-политические организации, политические партии, революция, Восточная Сибирь, Иркутск, повседневная жизнь населения

¹ Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает результаты исследования.

² К. А. Айдаров выявляет архивные материалы, проводит обработку и обобщение материалов, готовит статью к публикации.

³ И. П. Серебренников выявляет архивные материалы, проводит обработку и обобщение материалов, готовит статью к публикации.

Введение. Восточная Сибирь – огромная часть России, регион пионерного освоения. На сегодняшний день сибирскими учёными проделана большая работа по воссозданию конкретно-исторической картины развития этой территории, однако происходящие трансформации в историческом знании приводят к появлению новых тем, теоретических подходов, методов источниковедческого анализа, что требует дальнейшего изучения источников и расширения проблематики исследований по истории региона.

Выделение в качестве объекта исторических исследований одного из крупнейших городов Сибири – Иркутска – обусловлено спецификой этого города, той ролью, которую он играл в её развитии. Будучи на протяжении нескольких веков военно-административным центром восточной части Сибири, он сосредоточил в себе значительное число служащих государственных органов власти, армейских структур, торгово-промышленные слои населения и др. Городское сообщество формировалось под влиянием постоянных миграционных потоков, как добровольных, так и принудительных. Среди прибывших было весьма существенное количество политических ссыльных, оказавших большое влияние на различные сферы городской жизни и расклад политических сил в канун революции. В связи с отсутствием в городе крупных промышленных предприятий здесь не сложилась сплочённая масса пролетариата, в основном трудящиеся были представлены рабочими-ремесленниками. Такая неоднородность иркутского общества повлияла на расстановку общественно-политических сил в городе на начальном этапе развития Революции 1917 г.

Одной из проблем в исследовании истории Восточной Сибири является жизнь её населения как в городах, так и в сельской местности, в ракурсе истории повседневности, которая развивается в рамках «новой социальной истории», интерпретирующей историческое прошлое с позиций социальности, раскрывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. Изучение истории «снизу» позволяет изменить традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование, т. е. рассматривать историю не через официальный дискурс – восприятие «сильных мира сего», как это было в рамках марксистской методологии, а как бы «изнутри», выясняя, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и

властными структурами, какие существовали формы общественного бытия и т. д.

Понимание поведения людей, их политических пристрастий, выработки новых практик выживания в сложнейших условиях ломки привычного традиционного уклада невозможно без понимания социально-политической ситуации в регионе, определяющейся концентрацией всех политических организаций и общественных структур непосредственно в губернском городе. В связи с этим нами предпринят анализ расстановки политических сил в г. Иркутске в начальный период революционных потрясений 1917 г. как объективная предпосылка последовавшей затем трансформации ментальных форм сознания, взглядов и привычек, а также материально-бытовой сферы, влиявшей на повседневную жизнь городского населения.

Методология и методы исследования.

В 1960–1970-х гг. центральным предметом исследования «Новой социальной истории» стал «человек в обществе», 1980-е гг. стали периодом поиска новых теоретических моделей и концепций, которые были бы способны обеспечить практическое применение в конкретно-исторических исследованиях. Именно тогда главной задачей социальной истории была провозглашена реконструкция человеческого опыта переживания крупных структурных изменений, которая виделась в исследовании самих крупных структурных изменений, в описании жизни простых людей в ходе этих изменений и связи между тем и другим, в результате чего происходила «инкорпорация повседневной жизни в бурные воды исторического процесса»¹. Как кратко сформулировал А. К. Соколов, социальная история сегодня призывает «во-первых, полностью отказаться от политики и идеологии, во-вторых, заменить историю “сверху” историей “снизу”, в-третьих, осуществлять своеобразный исторический синтез на микроуровне общества...» [10, с. 77].

Ситуация методологического выбора, сложившаяся в нашей стране в конце 1980-х – 1990-е гг., заставила историков пристально взглянуть на зарубежную историографию и методологию, среди множества направлений и течений которых особенной известностью пользовались «история ментальностей» и «историческая антропология». Историческая антропология много внимания уделяет ма-

¹ Репина Л. П. Социальная история в современной историографии (методические материалы к спецкурсу) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vunivere.ru/work.535774?sereenschots=1 (дата обращения: 15.09.2018).

трицам поведения, восприятия и мышления определённой социальной группы людей, их стратегии поведения в сложившихся жизненных обстоятельствах, что позволяет отойти от макроистории и обратить повышенное внимание на микроисторические процессы и явления.

В наше время рамки антропологического подхода всё более расширяются, в них все больше места отводится истории повседневности, под которой, по мнению М. М. Крома, «современный, антропологизированный вариант истории повседневной жизни исходит из того, что люди активно участвуют в постоянном процессе создания и переустройства структур повседневности, они пытаются “присвоить” и приспособить к себе тот жизненный мир, который их окружает»¹.

Рассматривая структуры повседневности, Н. Л. Пушкарева в статье «“История повседневности” и “история частной жизни”: содержание и соотношение понятий», в частности, пишет: «“Историка повседневности” – в отличие от историков в чистом виде и этнографов – интересует всё: и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история казусов, и история ментальностей и ментальных стереотипов, то есть историческая психология, а вместе с ней – история личных переживаний человека. Иными словами, подходы историка повседневности интегративны...» [11, с. 96].

Современное состояние историографии истории повседневной жизни свидетельствует о том, что тема нашего исследования сегодня как никогда актуальна, поскольку человек как бы изначально обречён жить в том социальном и политическом пространстве, которое, зачастую без его ведома и желания, становится той средой, в которой он вынужден выживать, искать свои модели существования. Говоря словами Ю. А. Полякова: «История повседневности – сумма миллиардов судеб людей, живущих в далёком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [8, с. 125].

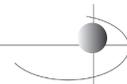
Результаты исследования и их обсуждение. Демократические преобразования в

стране весной 1917 г., в период мирного развития революции, связаны с активной ролью в них политических партий и общественных организаций. В Сибири самыми активными из них были партии кадетов, социал-демократов (объединённых), эсеров и анархистов. Что касается её восточной части, то в ней после падения монархии власть перешла, по сути дела, к демократическим структурам – к общественным формированиям, представленным, главным образом, различными комитетами и в значительно меньшей степени Советами депутатов, прежде всего рабочих и военных. Особенностью развития Революции весной 1917 г. в Восточной Сибири являлось то, что общественно-политическая ситуация как в городах, так и в деревне характеризовалась относительной стабильностью, отсутствием острого политического и классового противостояния. Наоборот, различные политические и общественные организации активно взаимодействовали между собой, стараясь привлечь к своей деятельности как можно более широкие слои населения, чаще всего не вникавшие в политический смысл происходивших событий, но понимавшие необходимость преодоления трудностей повседневной жизни, вызванных сначала затянувшейся войной, а затем и приблизившимися социальными взрывами. Однако в условиях малочисленности и неоднородности рабочего класса долгое время в общественном сознании сибиряков доминировали идеи революционного оборончества, классового мира и порядка.

Весна 1917 г. для жителей Иркутска, как и по всей стране, прошла под знаком новых, революционных событий. Такого размаха и активности событий город ещё не знал. Смена власти, создание новых органов власти, общественных организаций, работа политических партий разной направленности – всё это для города и его жителей было необъяснимо тяжело для восприятия, но возможность участия в них вызвала большой интерес.

Уже вечером 2 марта в здании Городской думы при активном участии политических ссыльных был создан временный Комитет общественных организаций (КООРГ). В него вошли представители Городской думы, кооперативных и профессиональных организаций, биржевого комитета, съезда углепромышленников Черемховского района, а также представители от рабочих, железнодорожников, священнослужителей и т. д. Меньшевик В. С. Войтинский, находившийся в ссылке в Иркутске и принимавший в начале марта 1917 г. активное участие в политической жиз-

¹ Кром М. М. Историческая антропология. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 131.

ни города, так вспоминал об этих событиях: «Множество учреждений предъявили ходатайства о допущении в Комитет их представителей: совет присяжных поверенных, родительские комитеты, банки, биржевой комитет, церковно-приходские советы, миссионерские братства, частные промышленные фирмы. Одни и те же элементы старались войти в Комитет под различными флагами, чтобы этим закрепить своё влияние. Особенно бесцеремонно действовали в этом направлении верхи местной буржуазии и ревнители церковного благочестия. Пустить их в Комитет было немислимо. Но, с другой стороны, не следовало создавать среди населения впечатления, что в Комитет объединились исключительно левые» [4, с. 26–27]. В итоге в КООРГ вошло около 200 человек, из них 38 были эсерами, 33 – меньшевиками, 27 – кадетами, 7 – большевиками [6, с. 74]. В состав Исполнительного комитета КООРГа, избранного 3 марта, вошли 10 эсеров, четыре меньшевика, один межрайонец, один большевик и только девять человек были представителями городских торгово-промышленных кругов, в большинстве своём входившими в партию кадетов. Первым председателем Комитета был избран находившийся в тот момент в ссылке в Иркутской губернии один из лидеров меньшевиков – И. Г. Церетели, а после его отъезда в столицу КООРГ возглавил эсер А. Н. Кругликов [5, с. 429].

Иркутский комитет общественных организаций направил главе Временного правительства князю Г. Е. Львову и председателю Исполкома Петроградского совета рабочих депутатов Н. С. Чхеидзе телеграмму, в которой говорилось, что «Комитет общественных организаций в Иркутске приветствует почин вновь образовавшегося Временного правительства в деле низвержения старой власти... Комитет твёрдо верит, что последовательное осуществление надежд демократии сплотит в разгоревшейся борьбе за новую Россию все живые силы страны» [4, с. 28–29]. Тем самым, не имея чёткого представления о событиях в столице и той роли, которую играли в них люди, вошедшие в состав Временного правительства, члены КООРГа, пусть и очень сдержанно, выразили своё доверие новому органу государственной власти.

Демократические свободы, предоставленные народным массам, и эйфория от случившихся событий привели к тому, что наряду с органами власти, представлявшими Временное правительство, в Иркутске параллельно с ними повсеместно стали формиро-

ваться новые органы власти – Советы. Так, 3 марта был образован Совет рабочих депутатов, 5 марта – Совет военных депутатов местного гарнизона. Первый возглавил меньшевик Л. И. Гольдман, в состав исполкома вошли меньшевики, большевики и эсеры. Во втором на первых порах видную роль играл один из лидеров социалистов-революционеров А. Р. Гоц, а исполком возглавил человек сугубо военный – поручик А. А. Краковецкий. Иркутские советы, в деятельности которых решающую роль играли представители меньшевиков и эсеров, вслед за КООРГом, выразили полное доверие Временному правительству. Политических требований поначалу они не выдвигали, сосредоточившись на защите экономических прав рабочих, особенно важным из которых был вопрос об установлении 8-часового рабочего дня. Советы активно сотрудничали с Комитетом общественных организаций, и на первых порах между этими органами особых разногласий не наблюдалось, что создавало в обществе некую иллюзию полного доверия и равноправия между ними [5, с. 433–434].

После февральских событий в стране в целом и в регионах, в частности, активно шёл процесс организационного оформления многих политических партий в стране. Как пишет М. В. Шиловский, «в течение всего 1917 г. происходили активное создание первичных организаций, их объединение на губернском и региональном уровне, внутреннее размежевание и интеграция. Видную роль в этом процессе сыграли политические ссыльные» [15, с. 43]. В частности, в Иркутске в возрождении деятельности местных организаций принимали участие ссыльные: большевик В. И. Вельман и меньшевик И. Г. Церетели, эсеры В. Г. Архангельский, А. А. Брудерер, И. А. Якушев, А. Н. Кругликов и Е. М. Тимофеев.

Одной из особенностей политической жизни Иркутска было то, что, вопреки решению Пражской конференции РСДРП (1912 г.) о размежевании с меньшевиками, иркутская организация социал-демократов вплоть до осени 1917 г. была объединённой, 5 марта в клубе приказчиков её члены провели первое легальное общее собрание, на котором присутствовало, по различным данным, от 150 до 400 человек¹. Собрание, которое проходило под председательством И. Г. Церетели, обсудило вопросы об отношении к Времен-

¹ За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий Иркутской губернии с ноября 1895 по март 1920 гг. / сост. А. А. Мухин, В. Г. Артемьев. – Иркутск, 1968. – С. 64.

ному Правительству и о выборах организационного комитета. В результате большинством голосов была принята резолюция меньшевиков, в которой говорилось: «Революционный пролетариат и его представительница социал-демократия поддерживает Временное революционное Правительство, поскольку оно гарантирует полную свободу, берёт на себя созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Во имя общегосударственной цели иркутская социал-демократия продолжает поддерживать своих делегатов в местном органе революционной власти – исполнительном комитете Иркутских общественных организаций»¹. Общее собрание выбрало Организационный комитет из 10 человек, в который вошли, приблизительно, в одинаковом количестве большевики, примиренцы и меньшевики².

В. Вельман в своих воспоминаниях отмечал, что подпольное сплочение большевиков в Иркутске в период 1914–1917 гг. было очень сильно, однако на первом же легальном собрании большевики проиграли. Так, в Иркутске с 7 по 13 апреля проходил I Восточносибирский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на котором из 169 человек было всего 15 делегатов из числа большевиков [3, с. 167]. Данный факт наглядно показывает слабость положения большевиков в губернии. Это объясняется тем, что в первые месяцы революции большевики заняли выжидательную позицию, не проявляли особой политической активности, а стремились завоевать влияние в рабочей среде через участие в работе профсоюзов.

Иркутские социалисты-революционеры, лидером которых был А. Р. Гоц, заняли к началу Февральской революции влиятельное положение в кооперативном движении города и его окрестностей, играли руководящую роль в редакции журнала «Иркутский кооператор», а в ежедневной газете «Сибирь» видные иркутские социалисты-революционеры, часто под псевдонимами, публиковали статьи, в которых пытались донести до иркутской общественности свои идеи. Иркутская еженедельная газета «Народная Сибирь» до событий февраля также в популярной форме освещала наиболее острые вопросы внутренней жизни страны с точки зрения эсеров, в связи с чем была закрыта распоряжением

¹ Сибирь. – 1917. – № 53. – 7 марта.

² За социалистическую революцию. Летопись важнейших революционных событий Иркутской губернии с ноября 1895 по март 1920 гг. / сост. А. А. Мухин, В. Г. Артемьев. – Иркутск, 1968. – С. 64.

Иркутского генерал-губернатора, как газета революционного толка [2, с. 46–47].

Иркутские социалисты-революционеры так же, как и другие политические партии, стремились укрепить своё влияние в городе. 6 марта 1917 г. они провели собрание под председательством члена 2-й Государственной Думы В. Г. Архангельского, на котором были обсуждены вопросы: об отношении к Временному правительству, об участии в КООРГе и Советах, о блоке с меньшевиками и, конечно, о решении в ходе революции крестьянского вопроса. После бурных дебатов были приняты решения поддержать Временное правительство, активно участвовать в общественно-политической жизни города, а также внести изменения в программу партии³.

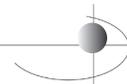
Для членов эсеровской организации было важным укрепиться в военных и других организациях, за которыми была вооружённая сила, и фактически к середине лета все командные посты, по воспоминаниям И. Малозёмова, находились в их руках: «Командующий войсками – Краковецкий, комиссар Временного правительства – Кругликов, председатель Исполкома КООРГа – Тимофеев, в военной комиссии в качестве руководителей работали Брудерер, Калашников – все с.-р. В земельной комиссии, которая вершила политику деревни, работал с.-р. Яковлев...»⁴.

Активное участие иркутских эсеров в формировании и работе новых органов власти, в первую очередь, в составе КООРГа, где они образовали большинство, руководство рядом Советов на начальном этапе революции предопределило расстановку политических сил в городе и губернии в их пользу.

Весной 1917 г. в Иркутске прошли организационные собрания и других партий социалистической ориентации: бундовцев, латышских социал-демократов, польских социалистов. Ориентируясь в своей деятельности на меньшевиков, они, хотя и с оговорками, выразили поддержку Временному правительству. В это же время стали легально действовать ранее существовавшие в городе подпольные анархистские группы. Организации пополнялись за счёт ссыльных Сибири, оседавших в сибирских городах, а также из эмигрантов, возвращавшихся в Россию через Сибирь из США, Австралии и других стран. Так, в городах Черемхово и Иркутске осела большая группа анархистов-эмигрантов, оказавших су-

³ Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994. – С. 233.

⁴ РЦХИДНИ. – Ф. 70. – ОП. 3. – Д. 67; Малозёмский И. Воспоминания. Революционное движение в Иркутске. 1912–1920 гг. – С. 13.

ществственное влияние на формирование своих организаций. Члены активной, авторитетной и многочисленной Иркутской федерации анархистов провели в помещении Общества приказчиков своё закрытое собрание, на котором присутствовало до 40 человек, обсудив уже ставшие традиционными вопросы об отношении к Временному правительству и к войне. Победили сторонники «соглашательской» линии. В мае–июне анархисты проводили на городских улицах митинги, в которых участвовали жители города.

Весной 1917 г. иркутские анархисты поставили вопрос об объединении их движения в Сибири и провели в Иркутске свой съезд. На съезде произошёл идейный раскол на несколько течений: анархистов-коммунистов, синдикалистов, индивидуалистов, толстовцев и т. д., что предопределило их дальнейшую деятельность: они проигнорировали участие в формировании и работе органов новой власти на местах, поскольку не связывали будущее общества с этими органами. Важнейшим из направлений своей работы весной 1917 г. они считали работу в пролетарской и солдатской среде.

Накануне Февральской революции в Сибири осталось три из 17 организаций партии кадетов, существовавших в годы первой российской революции, которые находились в Томске, Красноярске и Иркутске [6, с. 36]. До февраля 1917 г. кадетские круги в Восточной Сибири не имели налаженной системы партийной работы, основная их деятельность проявлялась во внепартийной сфере. «Однако, – как пишут авторы исследования о партии кадетов, – объединение на почве внепартийной деятельности (ВСГ, Сибиртет, ВПК)¹, поддерживаемое сплочённым буржуазно-интеллигентским активом, в котором кадеты занимали ведущую роль, способствовало дальнейшей политической организации кадетов и во многом усилило процесс воссоздания кадетских организаций в Восточной Сибири в период Февраля» [12, с. 18]. К моменту Февральской революции в Восточной Сибири кадетских отделов как таковых не было, лишь в Иркутске существовал небольшой партийный комитет. Однако уже в первых числах марта в крупных городах процесс объединения кадетов в политическую организацию стал постепенно усиливаться. 14 марта в Иркутске состоялись первые собрания их партии.

¹ ВСГ – Всероссийский Союз городов, образованный в августе 1914 г. В 1915 г. в него вступили 163 города. Сибиртет – Сибирское общество помощи больным и раненым войнам и пострадавшим от войны, образовался в 1915 г. ВПК – Военно-промышленный комитет.

Иркутский кадетский комитет был образован 17 марта, имел сложную структуру: в нём были созданы организационная, литературная, лекционная и агитационная секции, поднимался также вопрос об организации партийного бюро и собственной газеты.

Следует отметить, что в начале 1917 г. кадеты в Восточной Сибири продолжали оставаться одной из активных общественно-политических сил. Так, например, Иркутский комитет ПНС создал и направил в уезды губернии и в Забайкальскую область специальную лекторскую группу с заданием создать на местах новые организации ПНС. В составе этой группы находился председатель Иркутского комитета ПНС Д. А. Кочнев, объехавший с лекциями о политике и тактике кадетской партии ряд восточносибирских городов и принявший активное участие в создании троицкосавской организации кадетской партии².

С первых дней революции сибирские кадеты делали всё возможное для ликвидации Советов как органов государственной власти, характеризуя их как профессиональные организации, и установления единовластия буржуазии. Иркутские кадеты направили в КООРГ 15 представителей от партии и ещё 22 человека провели от других различных общественных организаций. В общем составе Исполнительного комитета КООРГа кадеты занимали 25 процентов мест (11 из 45), в то время как в самом КООРГе их было только 12 процентов (37 из почти 300 членов) [7, с. 81].

Несмотря на то, что до 1917 г. в Иркутске существовал отдел консервативно-монархической партии «Союз русского народа», после февраля, как отмечает В. С. Войтинский, «совершенно не заметно было в Иркутске монархических элементов» [4, с. 35].

Революционные события весны 1917 года вновь поставили на повестку дня лозунги областников об автономии Сибири в рамках единого демократического Российского государства, о созыве Сибирской областной думы, наделённой законодательными правами [15, с. 60]. В течение апреля–мая инициативная группа иркутских областников начала вести пропаганду областнических идей в местной периодической печати. 21 мая члены областнической организации заслушали и одобрили доклад И. И. Серебренникова «Об автономии Сибири», в котором он заявлял, «что возникающая лига или союз областников должны быть организациями внепартийными, объединяющими собою различные демократиче-

² Народная свобода. – 1917. – 2 июля.

ские элементы общества» [15, с. 60–61]. Однако весной 1917 г. основная часть областников-автономистов занимала выжидательную позицию, из чего следует, что Февральская революция застала их врасплох.

Таким образом, исследование показало, что в г. Иркутске весной 1917 г. сложилось двоевластие, осуществляемое Комитетом общественных организаций и Советами рабочих и военных депутатов. Ведущую роль во всех этих органах играли представители социалистических партий: эсеры и социал-демократы (меньшевики). На первых порах КООРГ и Советы выражали полное доверие Временному правительству. Все эти политические перипетии на раннем этапе революционного процесса 1917 г. не касались широких масс населения города, которые в большей степени стремились не к участию в политической борьбе, а к преодолению социальных и экономических трудностей, вызванных общественно-политической ситуацией в стране.

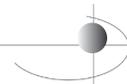
Заключение. Изучение истории повседневной жизни осуществляется, как правило, на уровне региональных исследований, это обусловлено, в первую очередь, тем, что формы бытия и их трансформация под влиянием

тех или иных факторов, в том числе и общественно-политических событий, в разных регионах и в разные времена различны. В этой связи обращение к истории Восточной Сибири, являющейся феноменальной моделью социально-экономического и социокультурного развития, достаточно репрезентативное пространство для исследования. Город Иркутск, с точки зрения понятия исторического, – объект длительного периода заселения и формирования социокультурных традиций, вобравших в себя опыт предшествующих поколений, с особыми политическими приоритетами и социальными отношениями, формами административного устройства. Здесь гораздо чётче, чем в иных местах, прослеживается зависимость стратегий выживания, мироощущения и мирозерцания людей от имевших место политических процессов. Сегодня нельзя понять и объяснить многие явления в отечественной истории, в том числе и повседневные практики, без учёта изменений окружающей их политической среды, в которой протекала их жизнь, особенно в период таких социальных катаклизмов, каким был 1917 год, что требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л.: Лениздат, 1973. 460 с.
2. Архангельский В. Г. Первый месяц Февральской революции 1917 г. в Иркутске // Вольная Сибирь. 1927. № 1. С. 45–50.
3. Вельман В. Февральская революция в Сибири // Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 167–200.
4. Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1999. 320 с.
5. Иркутск накануне и в 1917 году: очерки политической истории губернского центра / под ред. Л. М. Дамешека. Иркутск: Оттиск, 2017. 544 с.
6. Иркутская городская дума в 1917 году / А. В. Петров, М. М. Плотникова, В. П. Шахеров, А. В. Ильина. Иркутск: Оттиск, 2018. 292 с.
7. Коломыцева Л. М. Конституционные демократы в Сибири: Февраль 1917 – начало 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01. Томск, 1993. 270 с.
8. Поляков Ю. А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125–132.
9. Пушкарёва Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–53.
10. Соколов А. К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II Науч. чтений памяти академ. И. Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 75–92.
11. Социальная история. М.: РОССПЭН, 2005. 464 с.
12. Третьяков В. В., Третьяков В. Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997, 240 с.
13. Тяжельникова В. С. Повседневность и революционные преобразования советской власти // Россия в XX веке. Реформы и революции. М.: Наука, 2002. Т. 2. С. 84–101.
14. Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в I четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Ч. 1 (1900–1918 гг.). Омск: Изд-во Омского пед. ун-та, 1996. 203 с.
15. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

Статья поступила в редакцию 17.09.2018; принята к публикации 20.10.2018

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Айдаров К. А., Серебренников И. П. Расстановка общественно-политических сил в г. Иркутске в период мирного развития Революции весной 1917 г. // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 30–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38

Larisa V. Zdanova¹,

*Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University*

*(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: zdanova@mail.ru*

Konstantin A. Aidarov²,

*Senior Lecture, Department of History and Methods,
Irkutsk State University*

*(1 Karla Marksa st, Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: aidarov.69@mail.ru*

Igor P. Serebrennikov³,

*Candidate of History, Associate Professor,
Irkutsk State University*

*(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: ipser73@yandex.ru*

The Arrangement of Socio-Political Forces in Irkutsk in the Period of Peaceful Development of the Revolution in Spring of 1917

The article is devoted to the study of the disposition of social and political forces in the city of Irkutsk at the initial stage of the development of the revolution in 1917. For several centuries the city of Irkutsk was the military-administrative center of Eastern Siberia, it concentrated in itself a significant number of employees of state authorities, military structures, industrial groups of the population, constantly replenished with various categories of migrants, including political exiles, which led to the heterogeneity of its population and socio-political specifics. It is shown that in the city of Irkutsk, one of the largest cities of Siberia, there were representatives of Russian socialist as well as liberal parties that activated their activities on the background of events taking place in the country. Studying the history "from below" made it possible to find out how the life of ordinary people was shaped, what was the connection between them and the authorities, what forms of social existence existed, etc. An analysis of the political situation in Irkutsk in the initial period of the revolutionary upheavals of 1917 was undertaken as an objective prerequisite for the subsequent transformation of mental forms of consciousness, attitudes and habits, as well as the material and domestic sphere that influenced the daily life of the urban population. It is shown that the political environment was formed spontaneously, under the influence of the revolutionary events in the country, regardless of the opinion of most people. The political vicissitudes in the early stage of the revolutionary process of 1917 did not concern the broad masses of the city's population, who were more eager not to participate in the political struggle, but to overcome the social and economic difficulties caused by the socio-political situation in the country.

Keywords: socio-political situation, socio-political organizations, political parties, revolution, Eastern Siberia, Irkutsk, daily life of the population

References

1. Astrakhan, Kh. M. Bolsheviks and their political opponents in 1917. L: Lenizdat, 1973. (In Rus.)
2. Arkhangelsky, V. G. The First Month of the February Revolution in Irkutsk. *Volnaya Sibir*, no. 1, pp. 45–50, 1927. (In Rus.)
3. Velman, V. The February Revolution in Siberia. *Proletarian Revolution*, no. 3, pp. 167–200, 1925. (In Rus.)
4. Voytinsky, V. S. 1917. Year of victories and defeats. M.: TERRA – Knizhnyj klub, 1999. (In Rus.)
5. Irkutsk on the eve and in 1917: essays on the political history of the provincial center. Editor Dameshek, L. M. Irkutsk: Ottisk, 2017. (In Rus.)
6. City Council of Irkutsk in 1917. Petrov, A. V., Plotnikova, M. M., Shakherov, V. P., Il'ina, A. V. Irkutsk: Ottisk, 2018. (In Rus.)

¹ L. V. Zdanova: the main author, the organizer of the study, formulates the conclusions and summarizes the results of the study.

² K. A. Aidarov: identification of archival materials, processing and summary of the materials, preparation of the article for publication.

³ I. P. Serebrennikov: identification of archival materials, processing and summary of the materials, preparation of the article for publication.

7. Kolomytseva, L. M. Constitutional Democrats in Siberia: February 1917 – early 1918. Cand. sci. diss. hist. sciences. Tomsk, 1993. (In Rus.)
8. Polyakov, Yu. A. Man in everyday life (historical aspects). Domestic history, no. 3, pp. 125–132, 2000. (In Rus.)
9. Pushkareva, N. L. History of everyday life: subject and methods Social history. Yearbook, 2007. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. Pp. 9–53. (In Rus.)
10. Sokolov, A. K. Social history: problems of methodology and source study. Problems of source study and historiography. Materials of II Scientific Readings in Memory of Academician I. D. Kovalchenko. M., 2000: 75–92. (In Rus.)
11. Social history. Yearbook. 2004. M: Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2005. (In Rus.)
12. Tretyakov, V. V., Tretyakov, V. G. Cadets of Eastern Siberia in 1905–1917. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1997. (In Rus.)
13. Tyazhel'nikova, V. S. Everyday life and revolutionary transformation of Soviet power. In: Russia in the XXth century. Reforms and revolutions. V. 2. M.: Nauka, 2002: 84–101. (In Rus.)
14. Shtyrgul, A. A. Anarchist movement in Siberia in the first quarter of the XXth century. Part 1 (1900–1918). Omsk: Omsk Pedagogical University, 1996. (In Rus.)
15. Shilovsky, M. V. Political processes in Siberia in the period of social cataclysms of 1917–1920. Novosibirsk: Siberian Chronograph, 2003. (In Rus.)

Received: 17 September 2018; accepted for publication October 20, 2018

Reference to the article

Zadanova L. V., Aidarov K. A., Serebrennikov I. P. The Arrangement of Socio-Political Forces in Irkutsk in the Period of Peaceful Development of the Revolution in Spring of 1917 // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 6. PP. 30–38. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-6-30-38.